

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

АРКАДИЙ МИРОШНИЧЕНКО

ЖЕЗЛ ЮПИТЕРА

18+

Аркадий Мирошниченко

Жезл Юпитера

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Мирошниченко А.

Жезл Юпитера / А. Мирошниченко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-1600-9

Будущее. Известный в Солнечной системе детектив граф Потемкин прилетает на космическую станцию "Ужгород", что расследовать загадочное убийство пилота, и сам попадает сразу в две мышеловки - любовную и криминальную. Призраки на станции, жестокий и расчетливый убийца, уничтожающий одного за другим членов экипажа, отсутствие связи с внешним миром и кажущаяся безвыходность ситуации ставят самого эстета-графа на грань жизни и смерти. За что же идет смертельная схватка? Узнайте из этого фантастического детектива...

ISBN 978-5-5321-1600-9

© Мирошниченко А., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Книга первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Аркадий Мирошниченко
Жезл Юпитера
(фантастический детектив)

Книга первая

Космические грешницы

Глава 1

Яхта графа Потемкина достигла «Ужгорода-778» через четыре дня после старта с Плутона. Сам граф Иван Феокистович Потемкин все это время пребывал в детальном изучении Боеция, римского философа времен заката Римской империи, периодически поругивая автопилот, который постоянно отклонялся от проложенного умным компьютерным штурманом курса. Впрочем, ругать надо было, скорее, штурмана. Не изобрели еще к двадцать восьмому веку от Рождества Христова устройства, способного точно проложить вектор движения корабля к постоянно движущимся объектам, находящимся за сотни миллионов километров.

Посему граф Потемкин раз в день пересчитывал траекторию яхты. Что, впрочем, не отнимало много времени и позволяло ему заниматься любимым делом – сибаритствовать. Большую часть полета он просто спал. А совершенный во всех отношениях его корабль, быстрый как молния, пронзал тем временем бескрайний мрак и холод, не тревожа своего хозяина ни шумом, ни заботами по управлению.

Плнтации по выращиванию искусственных кристаллов на Плутоне позволили Ивану Феокистовичу завести роскошную космическую посудину, в которой было все для удовлетворения его изысканных потребностей. Одна душевая кабина с круговым массажем, выложенная, вопреки правилам безопасности, перламутровой мозаикой из настоящих земных раковин чего стоила! А кабина пилота, опять же, вопреки правилам, была оформлена дорогой тканью и местами даже черным деревом.

Кресла во всех отсеках массируют Потемкину спину и голову, капсула для сна воспроизводит ароматы летнего сада и пение птичек, а уж меню поразило бы богатством утонченных вкусов любого гурмана. Холодильники были забиты устрицами, лягушачьими лапками и прочим совершенно не пригодным для длинных космических перелетов ассортиментом. Но иначе Иван Феокистович просто не сдвинулся бы с места и блаженствовал бы в вечно своей усадьбе-куполе, превращенной в цветущий сад на холодном Плутоне. Граф знал толк в красивой жизни.

Однако в отличии от тысяч богатых бездельников, Потемкин имел живой, весьма аналитический склад ума и безусловную склонность к дедукции. Что и позволило ему создать лучшее в Солнечной системе частное детективное агентство. Его ценили и приглашали в самых безнадежных ситуациях, когда весь штат межпланетной полиции опускал руки и записывал дело в «глухари». Граф занимался этой деятельностью исключительно для удовольствия, развлекая свой могучий интеллект распутыванием криминальных клубков, то и дело свертывающихся от Меркурия до Плутона.

В этот раз его поднял с места тревожный сигнал, пришедший со станции планетарной связи. Сообщение было от его старого друга, врача космической станции «Ужгород-778» Чжана Су Гуожи, или просто Су.

«Погиб капитан планетолета Тор Ларсен. Подозреваем убийство. Обстановка скверная. Прилетай немедленно, если сможешь»

Зная Су с добрый десяток лет, Потемкин поразился волнению, которое прорывалось в его сообщении, пришедшим из бескрайнего вакуума. Китаец был всегда спокоен, как скала над Желтой Рекой, и уж коли его энергия Ци трансформировала свое умиротворенное течение в бурный поток – дело было действительно плохо. Поэтому граф быстро раздал указания управ-

ляющему усадьбой на Плутоне и уже через несколько часов программировал яхту на маршрут до Юпитера, у спутника которого Ганимеда и находилась станция, названная в честь старинного русского города.

Кстати, традиция называть космические города и городки именами реальных земных населенных пунктов прижилась не так давно, с решением Объединенного Совета по Астронавтике. До этого многочисленные станции, в том числе и огромных размеров, разбросанные по всей Солнечной системе, назывались либо буквенно-числовыми аббревиатурами, либо высоканными из пальца претенциозными именами, вроде «Сердца Венеры».

А теперь все было красиво и мило сердцу. Англосаксы величали свои космические ранчо «Сиэтлами» и «Глостерами», китайцы летали в «Шанхай» и «Гонконг», а индийцы даже окрестили свою станцию причудливой конфигурации с четырьмя гигантскими вертикальными антеннами «Тадж-Махалом». Хотя, какие они, к черту, «вертикальные» в пространстве, где нет ни верха, ни низа... А чтобы не путать с земными городами, городам небесным присваивали также номер – среднее расстояние от Земли в миллионах километров.

Русские станции звучали милым сердцу колокольным перезвоном: «Суздаль 235», «Ярославль 159», и даже была маленькая станция «Мышкин 14», где начальником, а точнее, начальницей служила известная Потемкину премилая особа Оленька Разумовская...

Вспомнив о ней, граф, убежденный ценитель женской красоты и амурных приключений, отчего-то вздохнул и сел за ручное управление. Он сегодня плохо выспался и был этим раздражен, хоть и принял душ, и сделал утренний комплекс Цигун, одно из упражнений которого называлось «Золотой петух стоит на одной ноге». Такие лингвистические штуки немало потешали графа, а тысячелетиями отработанная китайская практика наполняла тело спокойной силой и давала необыкновенную ясность ума. Но легкое раздражение и сонливость не проходили.

Яхта медленно подплывала к дрейфующему во мраке серебристому полумесяцу – станции «Ужгород». Одни из трех часов корабля автоматически перестроились на время Сатурна, уведомив пилота мелодичным звоном. Было около десяти вечера.

Справа, закрывая собой четверть неба, высился другой гигантский полумесяц мутного серо-розового оттенка. Это был Юпитер, газовая планета-титан, рожденная Солнцем и освещенная им с этого ракурса ровно наполовину. Слева, чуть ниже «Ужгорода» едва просматривался небольшой темно-коричневый баскетбольный мяч, изрытый тысячами выбоин – один из четырех спутников Юпитера Ганимед. На самом деле это небесное тело было значительно больше луны, но сейчас «Ужгород» отошел от него на значительное расстояние, видимо, закончив необходимые исследования. Или по другим причинам. В любом случае глыба льда и железа диаметром в пять тысяч километров действительно казалась небольшим мячом. Но в купе со своим гигантским хозяином Ганимед смотрелся зрелищно.

Картина была воистину величественная и фантастическая. Потемкин умел ценить такие виды и в своих скитаниях между планетами любил позировать перед электронным фотографом, настроив его одновременно на свой профиль и на вид из иллюминатора. Но сейчас было не до этого.

Вновь раздался мелодичный звон. На экране монитора появилось словно высеченное из бело-желтого камня лицо Су и еще какого-то молодого человека в бейсболке.

– Рады тебе, Иван, ты вовремя, – как всегда немногословно поприветствовал его китаец, все же, улыбнувшись уголками губ.

– Добро пожаловать в Ужгород! – также чуть улыбаясь, но как-то растерянно произнес и молодой человек неожиданно низким голосом. – Меня зовут Драгош. Я оператор связи и ответственный за компьютерные системы станции. Настройте вашу яхту на систему автоматической стыковки и отпустите штурвал.

Потемкин кивнул обоим, нажал кнопку на пульте и скрестил руки на груди, наблюдая, как автоматика обоих кораблей начинает работать совмещенно, причаливая яхту к шлюзу космического городка.

Мягкий толчок и запели мелодичным хором сразу несколько световых панно, подтверждая герметизацию и окончание стыковки. Граф поднялся и потянулся. Начало ему не понравилось. В воздухе висело напряжение и тревога. И что-то еще. Ощущение опасности. Об этом Потемкину всегда безошибочно сообщала интуиция, развитая тем же Су в их занятиях Цигун и другими хитрыми китайскими техниками.

«Как-то все слишком буднично», – подумал Потемкин. – «Как будто ничего не случилось. Странно».

Он достал из ящика в стене капитанской кабины изящный лазерный пистолет и положил его в карман дорого пиджака. Постоял перед зеркалом у выхода из яхты, поправил прическу и только потом решительно нажал кнопку, открывающую пассажирский люк.

Впоследствии, гений космического сыска Иван Феоктистович Потемкин много раз возвращался к этому моменту и спрашивал себя – переступил бы он порог, ведущий в стыковочный шлюз, зная, что его ждет – и каждый раз не мог однозначно ответить.

Пожалуй, что нет. Ни за что бы не переступил.

Глава 2

– Ваше сиятельство! Иван Феоктистович, батюшка! Да как же хорошо, что вы к нам! Да у нас тут такое... такое!.. Проходите же, устали, небось, с дороги? Я столько слышал о вас, как же хорошо, что вы сюда... Я сейчас, сейчас, кофейку, чайку...

Очень рослый и толстый человек нажал кнопку селектора.

– Бет! Бетти, черт тебя подери, где ты, когда нужно? Принеси нам срочно чаю, да получше какого! Или кофе?... Я сейчас...

– Погодите, погодите! – Потемкин поднял руку, не в силах удержаться от улыбки. – Помедленнее и поспокойнее. Давайте познакомимся для начала!

Толстяк умоляюще сложил короткие, но невероятно полные руки на груди.

– Вы меня простите, ради Бога! Мы тут так переживаем...

В его большой каюте-кабинете с высокими потолками было уютно и красиво. Она находилась на вышке-башне посреди «Ужгорода». В круглый иллюминатор во всю стену было видно всю станцию – конструктор из модулей-кубиков размером с квадратный километр. Потолки каюты подпирали декоративные колонны в стиле загородных особняков эпохи модерн, а нижнюю часть каждой стены украшали деревянные вставки из натурального дерева. На стенах висели картины импрессионистов. Даже стояла огромная ваза из декоративного синего стекла с белыми цветами... Как все это удалось протащить сквозь суровые надзорные органы по межпланетным полетам – непонятно. Все же, не частная лавочка...

– Давайте я вас познакомлю, – спокойно сказал Су. – Граф Потемкин. Он будет вести расследование этого происшествия. А это наш градоначальник, мэр, как мы здесь называем начальников станции, Генрих Маркович.

– Тусс! Моя фамилия Тусс! – виновато заговорил толстяк. Его большое и доброе лицо было несчастным и помятым. – Мы тут как на вулкане живем, ваше сиятельство... Столько переживаний...

– Давайте без «сиятельства», – поморщился Потемкин. – Мы не на светском приеме.

– Хорошо, хорошо...

– И расскажите по порядку, что случилось.

– Ох, по порядку, да, да, присаживайтесь, сейчас будет чай и мы по порядку...

Дверь каюты с мелодичным звоном ушла вверх и на пороге появилась не менее толстая, чем владелец апартаментов, негритянка в белом фартуке, толкающая перед собой ресторанный тележку с чаем и сладостями. Они так соответствовали друг другу с градоначальником, что у Потемкина даже приоткрылся рот. Как будто обычных людей надули насосом до состояния воздушного шара. Только тяжелого. Хотя, если отключить искусственную гравитацию, они бы полетели, как миленькие. И очень было бы это логично. Совсем не миниатюрный Потемкин на фоне этих людей-шаров выглядел весьма камерно, а уж невысокий Су казался ребенком.

– Спасибо, Бет!.. Это наша мать-хозяйка, без нее мы бы все были голодными и худыми, как щепки...

«Тебе бы не помешало...» – мелькнуло в голове у Потемкина.

– Давайте ближе к делу, – сказал он.

– Позвольте, я начну! – неожиданно вмешался Чжан Су.

Все посмотрели на негритянку. Она поняла намек, обиженно вскинула подбородок и вышла нарочито неторопливо.

Потемкин был рад, что друг подключился к процессу. Граф вообще не переваривал сумбура. Превыше всего в жизни он ценил логику. Все по полочкам. Последующее должно вытекать из предыдущего. Эмоции исключить.

Генрих Тусс произвел на него впечатление человека слабовольного, но безобидного. Таких он не сильно уважал, но и раздражения подобные персонажи у Потемкина не вызывали. Хотя первое мнение часто бывает ошибочным. Граф, как человек опытный, вообще не рисковал делать окончательные выводы о ком-либо раньше, чем через полгода. Увлеченность криминалистикой вообще не позволяла ему верить людям безоговорочно. Слишком много было удивительных примеров внезапного преобразования от, казалось бы, безобидных и порядочных людей. И наоборот. Субъекты, производившие впечатление злодеев, зачастую оказывались милейшими существами.

– Итак, – Су опустил голову на грудь, а руки на колени и выпрямил спину (ни дать, ни взять статуэтка нэцкэ), – У нас в холодильнике лежит труп молодого мужчины. Нашего коллеги и друга, пилота планетарного челнока Тора Ларсена. Он умер три дня назад сразу после ужина. Тело обнаружила повар и экономка Бетти Дэвис, когда пошла менять постельное белье в каюту Ларсена. Согласно инструкции номер 223 Совета по Астронавтике, я как врач экипажа станции произвел вскрытие и установил причину смерти...

Он поднял голову и обжег Потемкина узким холодным взглядом дикой кошки. Тот молчал, не считая нужным задавать вопрос, который и так был понятен.

– Причина смерти – отравление сильнодействующим ядом. Банальный цианид. Его отравили.

Генрих Маркович издал стонущий звук, как будто слышал эту информацию впервые.

– Немыслимо! – пробормотал он, скорбно покачивая круглой головой. – Это просто невысказано, Иван Феоктистович! У нас, здесь! Немыслимо! Мы столько лет работали вместе! Мы как семья, понимаете? Мы больше, чем семья, потому что вынуждены жить бок о бок много месяцев, как говорится, безвылазно... Но никогда, никто, ничего... Ни одного плохого слова, понимаете?

– Понимаю, – Потемкин встал с кресла и подошел к иллюминатору. С левого бока станции изящно пристроилась его красавица-яхта, эффектно подсвеченная розовым светом Юпитера. – Я понимаю, продолжайте, пожалуйста... Вы сообщили в полицию?

– Да, конечно! – грустно ответил мэр. – Конечно, сообщили. Только пока они долетят, пройдет недели три. А мы... мы теперь боимся, Иван Феоктистович, понимаете? Су сказал, что если подозреваемых нет – а их нет и быть не может! – то единственный человек, который может разобраться, это вы! Хотя я бы никогда не посмел вас беспокоить на краю света... Да и денег-то у нас нет. Очень неудобно вышло-с... Очень! Но Су послал сообщение сам, без меня-с...

Генрих Маркович неожиданно стал раздраженным, как показалось Потемкину. Но только на секунду. Потом мэр опять погрузился и замолчал.

– Су правильно сделал, что пригласил меня. Я занимаюсь расследованиями исключительно из любопытства. Так что насчет денег можете не волноваться. Все, что мне нужно – это хорошая каюта с видом на Юпитер и достойная кухня.

– Даже не извольте сомневаться!

– Ну, и отлично...

Потемкин вернулся в кресло и достал небольшой изящный блокнот в кожаном с золотом переплете.

– Сколько всего человек на станции?

– Девять... было девять, сейчас восемь.

– Стало быть, восемь. И никто ничего не видел и не слышал?

Оба собеседника Потемкина покачали головами.

– Полная неожиданность, – сказал Чжан Су. – Да и происшествий не было. Разве только приятные...

– Какие же?

– Ну, это по работе, по работе, это, так сказать, геология, вам это не интересно, – быстро вмешался Генрих Маркович. – Не будем отвлекаться.

Граф отметил эту непонятную быстроту, но вопросов задавать не стал. В самом деле, мало ли какие у людей профессиональные тайны. Да и вряд ли он, Потемкин, разберется в их научных исследованиях, это правда.

– Все члены команды говорят по-русски?

– Да.

– Вы принимаете пищу вместе или отдельно?

– Обычно вместе, – ответил Су. – Но это личное дело каждого. Просто такая традиция хорошая сложилась – встречаться за обедом и ужином и обсуждать новости дня. Бет чудесно готовит. Гораздо вкуснее, чем наши сухие пайки и консервы, которые есть у каждого. И кафе у нас уютное. С музыкой, хоть какое-то развлечение... Так что любим там посидеть. Кто не хочет или не может – не приходит.

– В день смерти вашего коллеги все были на ужине?

– Нет. Было человек пять.

– А сам покойный... как его?... был на ужине?

– Ларсен. Тор Ларсен. Нет, его не было. Он сказал, что очень устал и это, по-видимому, была правда. Последние несколько дней он не вылезал из челнока. Мы сейчас проводим важные исследования поверхности Ганимеда. Наш биолог и планетолог буквально замучили Тора, заставляя его перевозить их из кратера в кратер. Работали по десять-двенадцать часов...

– Дело в том, – торопливо заговорил и мэр, – что у нас задача – облететь и исследовать все крупные спутники Юпитера. А их, как известно, четыре. Ио, Европа, Каллисто и Ганимед. И все чертовски интересные. Запас хода у станции невелик, летаем мы медленно, поэтому потихоньку собирались отправиться на Европу и наши ученые торопились доделать дела здесь на Ганимеде. Здесь мы были месяц и сюда уже вряд ли вернемся. Вот Тор и работал на износ...

– Но как вы тогда определили, что он умер после ужина, если его там не было?

– Бетти носила ему ужин в каюту, – сказал Су. – Она нас всегда жалеет, когда мы устаем, и всегда приносит еду сама. Особенно больным и уставшим. Так что Бет видела его в восемь часов вечера по нашему времени живым и здоровым. А когда пошла забрать посуду и поменять ему белье – он был уже мертв.

– Следовательно, – спокойно произнес Потемкин, – ваша повар или...э... экономка принесла ему еду, которой он отравился? Если мы не имеем ввиду суицид, конечно...

– Выходит, что так! – мрачно кивнул Чжан Су.

– Кто еще имеет доступ на кухню... или что там у вас вместо кухни?

– Блок с продуктами, холодильники и кухня открыты для всех, – задышал опять градоначальник. – Если кто-то захочет что-то взять из продуктов, у нас это совершенно свободно. Поэтому заходят все и не по одному разу в день...

Потемкин едва сдержал улыбку. Одного из «частозаходящих» вычислить было несложно. Но обстоятельства дела с каждой минутой радовали его все меньше.

– Есть ли у вас системы наблюдения и кто отвечает за безопасность станции?

– За безопасность, как раз, и отвечал Тор Ларсен, – ответил Су. – У нас на каждого возложено по несколько функций. Людей мало, обязанностей много. Поэтому Тор, как бывший офицер, был не только капитаном планетолета, но и занимался вопросами сбора и архивирования данных внутреннего и внешнего наблюдения. Камеры видеонаблюдения установлены во всех отсеках общего пользования. Это требование Совета по Астронавтике...

– Мне об этом известно... – Потемкин опять встал и подошел к окну. Тело, уставшее от неподвижности перелета, требовало движения и активности. Может, закончить пока с беседами и пойти с Чжан Су в спортзал, размять косточки?

– Но вот как раз за день до смерти Тора в системе наблюдения произошел сбой...

Не отрывая глаза от Юпитера за окном, Потемкин поднял бровь.

– За день?

– Да, за день.

– И она что – до сих пор не работает?

– Нет. Видеоданных нет уже четыре дня.

– Откуда стало известно о поломке?

– Об этом сообщил сам Тор. А ему сказал наш инженер Петр Семенович за день до убийства.

– В чем причина, не выяснили?

– Не успели. Сначала все были перегружены работой, а потом вот... эта трагедия... Да и отношение к видеонаблюдению, честно говоря, у всех весьма скептическое. И формальное. Бытует мнение, что от него нет никакого толку. Им некому и некогда заниматься по-настоящему. Что может случиться в полностью закрытом пространстве? Наш случай – один на миллион, наверное... Так что камеры работают впустую. Разве вот только Призраков посмотреть от скуки...

– Кого, простите? – граф повернулся и недоуменно посмотрел на Су.

– Батюшка, Иван Феоктистович, – развел руками мэр. – Да неужто вы про Призраков не слышали за свои путешествия ни разу?

– Признаться, не слышал.

– Да они на каждой крупной посудине есть! В больших «городах» от них спасу нет просто!

– Вы шутите, надеюсь?

– Ничуть! Мы не на Земле, граф, мы в другом мире совсем. В другом пространстве у других небесных тел. И в этом мире масса непонятных и непостижимых вещей происходит... Так что уж поверьте, Призраки – это такая же реальность, как и мы с вами. Причем, на «Ужгороде» призраки человекообразны. Дама вот одна гуляет по ночам.

– «Безумная Грета» мы ее зовем, – кивнул Су. – Картина такая у Брейгеля была. Поет она каждую ночь у нас.

«А мэр гораздо более умен, чем кажется или хочет казаться, – отметил про себя Потемкин. – Надо думать! Начальником подобного объекта кого попало не поставят! Но что это еще за чертовщина, о которой они оба так серьезно говорят? Надо будет потом и с этим разобраться...»

– Что? Что она делает?

– Поет, Иван Феоктистович... Тоскует.

– Так... – Потемкин потер глаза руками. – Устал я что-то, правда, господа. Я с удовольствием продолжу эту занимательную беседу после нескольких часов отдыха и спорта. Мышцы затекли совсем.

– Боже, конечно, конечно! – засуетился Генрих Маркович. – Су, вы покажете нашему гостю его каюту? Иван Феоктистович, в любой просьбе не откажем, что принести-подать – говорите, не стеснясь! Спортзал у нас небольшой, но оборудован хорошо. Мне бы вот тоже туда походить, да я лучше на кухню, на кухоньку! Там попривычнее!..

«Судя по всему, немного успокоился», – отметил граф. – Даже пошучивает».

* * *

На самом деле, от Потемкина и впрямь веяло спокойствием и уверенностью. Мужчина он был в годах, но не старый, физически сильный и ладно сбитый, с гордым подбородком и чувственным красивым ртом. Голубая кровь предков так и просвечивала через его речь и движения. Принадлежность графа к роду светлейшего князя Потемкина-Таврического была дока-

зана генетически, что в момент жизни Ивана Феокистовича уже проблемой совершенно не являлась. После того, как было официально разрешено возвращать и носить титулы наследникам великих российских фамилий, разрешение на экспертизу было делом формальным. Прах генерал-фельдмаршала Григория Александровича Потемкина-Таврического был потревожен в соборе святой Екатерины в Херсонесской крепости и Иван Феокистович подтвердил свое родство с любимым фаворитом Екатерины Великой. Родство, о котором знал только по семейным преданиям и легендам.

Пикантность ситуации заключалась в том, что у князя законных детей не было. Однако незаконные рождались во множестве, а в 1775 году на свет появилась девочка, которую назвали Елизаветой Григорьевной Тёмкиной, матерью которой, по слухам, была сама императрица.

Девочка появилась на свет тайно, обстоятельства её рождения были известны лишь узкому кругу приближенных. Для всех других у государыни случилось расстройство желудка из-за невымытых фруктов. Роды прошли в Москве, в Пречистенском дворце, во время празднования Кючук-Кайнарджийского мира, которым закончилась русско-турецкая война.

Грудного ребенка Григорий Потёмкин отвёз к сестре Марии Александровне Самойловой, опекуном девочки был назначен его племянник Александр Николаевич Самойлов. Елизавета Тёмкина с детства знала тайну своего происхождения, а в Херсонской губернии ей были пожалованы огромные поместья.

Текла ли в жилах космического сыщика еще и царская кровь – остается загадкой. Прах Екатерины тревожить не дозволялось, но и потемкинской державной крови было более чем достаточно для формирования редкого ума, энергичности и стратегического мышления в Иване Феокистовиче. Он был аристократом от макушки до кончиков пальцев и не мыслил себя в другом амплу. А титул графа был пожалован ему здравствующим наследником рода Романовых, который в 1750 году проживал на Марсе, но формально обладал всеми полномочиями государя-императора, за исключением возможности царствовать в России Земной двадцать восьмого века...

* * *

Сопровождаемый китайцем Потемкин неторопливо шел по длинному центральному коридору «Ужгорода», удивляясь – как такую огромную станцию могло обслуживать так мало людей. Словно угадав его мысли, Су заговорил:

– В городке нашем было значительно больше жителей. Хотя всем сейчас правит электроника и нас вполне хватает. Но приезжало много ученых разных профилей. Юпитер и его окрестности чрезвычайно интересное место в космосе. И спутники Юпитера особенно.

– Чем же они так притягательны? – заинтересованно спросил граф.

Он серьезно увлекался планетологией и считал эту науку чрезвычайно любопытной и полезной для развития человеческой цивилизации. Да и сложно было считать иначе, потому что к тому времени, когда Иван Феокистович увидел свет, человечество уже освоило все планеты Солнечной системы и рвалось к планетам у других звездных систем.

– Ну, – протянул Су, – представь себе хотя бы, что на всех четырех спутниках этого розового монстра существуют подземные океаны с жидкой водой. И там вполне может существовать жизнь. Как в ведомых нам, так и в неведомых формах. Вообще, надо сказать, что все гораздо сложнее, чем предполагалось. Ты, конечно, слышал о работах доктора Миядзаки?

– Да, да, что-то припоминаю... Другая физика? Шестимерные пространства? К Богу в гости забираетесь?

– Скорее, к дьяволу... Вот твоя каюта... Так вот, у нас тут странные вещи происходят, Иван, отдохнешь, я тебе покажу... О, а вот и Миа! Познакомьтесь!

Последнее восклицание относилось к коротко стриженной девушке в белом спортивном костюме, которая неожиданно вынырнула из соседнего коридора. Девушка... или не девушка? Спортивные плечи, небольшая, но упругая грудь, узкие, но очень красивые бедра. И при этом невероятно привлекательное смуглое лицо. Красавица. Нет, красавчик. Нет, красавица...

Потемкин сглотнул и пожал сильную, но узкую руку, протянутую ему Миа. Интересно – как они тут к ней обращаются – «он» или «она»?

– Миа позиционирует себя, как «третий пол», – без тени смущения объяснил Су. Он всегда предвосхищал тайные вопросы графа, что заставляло того относиться к другу с еще большим уважением.

– Они издеваются надо мной, – шутливо пожаловалась Миа женским, но очень низким голосом. – Половину недели обращаются, как к женщине, половину – как к мужчине.

– Кто же вы на самом деле? – изящно поинтересовался граф. (Сейчас это было уместно)

– Ни то, ни другое, – очаровательно улыбнулась Миа. – Я меняюсь. В зависимости от предпочтений партнера.

– Так, так, так! – засмеялся Су, с интересом наблюдая, как его друг откровенно «поплыл» под неудержимой эротической волной, исходящей от существа в белом костюмчике. – Стоп! Дадим нашему гостю немного отдыха. Он тут с важной миссией.

Потемкин встряхнулся и кашлянул. Миа сделала легкий книксен и пошла по коридору дальше, подняв на мгновение руку над головой и поиграв пальцами.

– Вот уж не ожидал, что тебя так сразу поведет! – еще раз засмеялся Су. – Будь с ней осторожен!

Но Потемкин уже вернул себя в прежнее чуть высокомерное состояние.

– А сегодня она «она» или «он»? – спросил он с искренним интересом.

– Располагайся и поспи до утра, – назидательно сказал Су. – Я тебе как врач говорю. Ты сюда не флиртовать приехал. Напоминаю – у нас труп в холодильнике.

Он пожал плечо Потемкина и тоже быстро пошел по коридору своей гибкой и мягкой кошачьей походкой. Третий дан по ушу. Мастер-инструктор цигун, знает каждую точку на твоём теле. Может вылечить или убить одним нажатием пальца.

Что-то смущало Потемкина. Он прошел в уютную каюту-спальню, не такую, конечно, роскошную, как на его яхте, но вполне достойную, в мягких зеленых тонах с интимным светом. Снял дорогой пиджак и брюки. Сразу лег на кровать, мгновенно принявшую форму его тела и запустившую программу легкого электрического массажа. Что-то смущает. Они все не расстроены, вот что. Они напряжены, даже взволнованы, но совершенно не расстроены. Нестыковка с сообщением Су «обстановка скверная». Китаец, конечно, владеет собой безупречно, но вот эта девушка-не девушка совершенно как на прогулке гуляет. И негритянка с тележкой тоже. Нормальная у них обстановка. Совсем не скверная. Оптимистичная вполне. И вот в этой «нормальности» и кроется «ненормальность». Никто, кроме мэра, похоже, не переживает. А в холодильнике лежит мертвый парень, которого три дня назад отравили. Надо разбираться. Разбираться, да-с...

Итак, что мы знаем на текущий момент? Подведем предварительные итоги и спать:

Первое. Тор Ларсен был либо убит, либо покончил с собой.

Второе. Доступ к его ужину мог иметь кто угодно.

Третье. Кто-то вывел из строя систему видеонаблюдения за день до убийства.

Четвертое. Паники на корабле нет. Скорее, странное отсутствие паники.

Пятое. Есть информация, которая выходит за пределы логики.

Пока все. Точнее – ничего.

Через минуту граф спал.

Он уже не видел, как от стены каюты отделилось белое туманное пятно и поползло в его сторону. Пятно вытянулось вверх и постепенно приобрело очертания женщины в плаще

с низким капюшоном. Призрак бесшумно доплыл до кровати Потемкина и завис над ним на несколько минут, словно изучая. Потом повернулся и исчез в той же стене, откуда появился. И тотчас из-за стены послышался бесконечно печальный женский голос, выводящий совсем непохожую на земные, завораживающую и жуткую мелодию.

Глава 3

К десяти утра по времени Юпитера все собрались в кают-компанин.

Граф Потемкин был безупречен. Его пиджак мог рассказать о владельце больше, чем сам владелец. К рассказу о статусе хозяина подключались наручные часы, ботинки и галстук.

Искусственная гравитация полностью изменила жизнь на космических станциях. У жителей небесных объектов больше не было нужды вешать на себя тяжесть скафандров. Теперь женщины могли вполне пощеголять вечерними платьями или пройтись по отсекам на шпильках. Стены больших и малых «городов» уже давно не были унылыми листами металла, отделялись декоративными плитами и стеклом, а каюты превратились в комнаты, ничем не уступающие земным. Космическая жизнь стала красивой. Совсем не такой, как представляло ее себе скучное воображение фантастов прошлых веков.

Вот и сегодня, три женщины, присутствующие на общем собрании экипажа, были одеты элегантно, хоть и неброско. Пятеро мужчин, напротив, выставили себя пренебрежительно просто, даже градоначальник появился в какой-то свободной джинсовой рубашке, подчеркивающей его невообразимые формы.

Потемкин вдруг почувствовал себя неловко. И чего это он так вырядился, право? Но второго шанса произвести первое впечатление у него не было, да и вряд ли он мог показаться на публике по-другому.

– Друзья, – начал мэр неприслушавшимся голосом. – Мы все знаем, что у нас произошло ужасное происшествие. Ужасное, кошмарное происшествие. Я представляю вам графа Ивана Феоктистовича Потемкина, который любезно согласился помочь нам прояснить обстоятельства этого... этого дела. Прошу всех оказывать максимальное содействие его работе. Даже тому...э... тому, кто... в общем, совершенно не исключено, что убийца сейчас среди нас. Думаю, с этой минуты его жизнь в нашем городе сильно усложнится. Да-с! Господин Потемкин, мы были бы вам признательны, если бы вы рассказали, каким образом, каким именно образом будет проходить процесс расследования этого дела? Это напрямую влияет на нашу... на нашу деятельность на борту станции...

– Что вы, что вы! – подняв руку, запротестовал Потемкин. – Мои экзерсисы совершенно не затронут профессиональной деятельности кого-либо! Мы просто договоримся с каждым, когда сможем побеседовать и все!

– Вы уже кого-то подозреваете? – прямо спросила темнокожая Бетти.

– Нет.

– А почему вместо полиции занимаетесь этим делом вы? – вмешалась блондинка с благородным лицом, единственная из неизвестных пока графу дам. – Может быть...

– Это вопрос ко мне, ко мне, баронесса! – не очень корректно перебил ее мэр. – Полиция будет добираться до нас дольше, чем нам бы хотелось. А дело не терпит, не терпит отлагательств!

Потемкин с любопытством взглянул на изящные ножки блондинки, которую мэр назвал «баронессой». Он единственная из дам явилась в красных туфлях на высоком каблучке и сидела, закинув ногу на ногу. Кстати, сейчас ее правая туфелька непроизвольно и беззвучно выбивала какой-то ритм на матово-стеклянном полу. Волнуется?

– Кое-кого из экипажа вы уже знаете, – продолжил Генрих Маркович. – Позвольте представить остальных. Итак, Миа – математик и штурман нашей станции. (Миа кокетливо улыбнулась графу. «И кто с кем флиртует после этого?») – подумал тот) Справа от вас, граф, наш инженер и завхоз Петр Семенович. За ним Феликс Вебер – планетолог, астроном. Драгош Милович отвечает за компьютеры и за связь. Мисс Бетти Дэвис вы уже знаете. И прямо перед вами баронесса Шербан, микробиолог и генетик...

– Вы можете звать меня Лоана, – заметила блондинка, также кокетливо наклонив голову.
«Местные дамы, если Миа можно считать дамой, однозначно не равнодушны к мужскому полу, – отметил Потемкин. – Да и понятно почему. Тощий мальчик компьютерщик, дедушки завхоз и астроном, мэр и Су не в счет. Видимо, погибший был единственным привлекательным мужчиной на «Ужгороде»)

– Рад знакомству с вами, дамы и господа! – доброжелательно произнес Потемкин. – Надеюсь, мое присутствие не сильно собьет вас с привычного ритма. Я бы хотел переговорить с каждым из вас с глазу на глаз. Это нужно сделать сегодня-завтра. Дело, действительно, не терпит отлагательств. Возможно, вы подвергаетесь опасности. Поэтому, прошу посетить меня как можно быстрее. Большую часть времени я буду находиться в своей каюте. Еще раз благодарю.

– Не смогу я сегодня! – седой и благообразный Петр Семенович отрицательно замотал головой. – У нас проблемы с системой видеонаблюдения. Надо срочно ремонтировать. А то полиция явится – мне голову оторвут!

– Хорошо, я жду вас, когда все наладится, – кивнул граф.

– Вопросы есть? Вопросов нет! – Генрих Маркович грузно поднялся. – Прошу всех приступить к работе. О своем посещении... о посещении своем лучше оповестить нашего гостя заранее по внутренней связи. Может быть, кто-то готов уже сейчас?

– Я могу сейчас! – сказала темнокожая повариха. – Мне потом обед готовить.

– Отлично! – улыбнулся Потемкин. – Жду вас прямо сейчас. Остальным спасибо.

Все встали и бесшумно покинули зал, кроме блондинки, у которой что-то случилось с каблуком, и она эффектно наклонилась, чтобы его осмотреть. Потемкин окончательно понял, что без легкого амурного приключения у него в этот раз не обойдется.

Через несколько минут Бетти Дэвис появилась в его каюте. Она была величественна и необъятна, как каравелла. И совсем еще не стара, как выяснилось при ближнем осмотре. Платье и украшения были подобраны с большим вкусом, на что граф обратил внимание еще в кают-компании. Бет грузно опустилась в небольшое для нее кресло и заговорила первой:

– Вы подозреваете меня!

– Почему? – осторожно спросил Потемкин.

– Потому что я носила Тору еду в этот вечер.

– На кухню есть доступ у всех, не так ли?

– Да.

– Значит, под подозрением все, вовсе не вы одна. Скажите, в тот момент, когда вы готовили ужин Тору, вы никого не видели на кухне?

– Как же не видела? Видела!

– Кого же?

– Мистер Тусс заходил, Миа заходила, инженер наш заходил, баронесса за сыром своим...

– Когда вы готовили ужин Ларсену, вы отлучались?

– Да, я отходила минут на десять.

– Что было этому причиной?

– Закончился мате. Надо было сходить на склад. Тор очень уставал и пил много мате. Он говорил, что это возвращает ему силы.

– Значит, он любил мате... Кто-то еще пьет мате на станции?

– Нет, больше никто.

– И все об этом знают?

– Да.

– Кто-то оставался на кухне, когда вы ушли?

– Нет. Остальные ушли еще раньше.

– А вернулись вы – тоже никого не было?

– Никого.

«Как все просто, – подумал Потемкин. – Просто и удобно. Подсыпать яд можно безошибочно. Непременно дойдет до адресата. А также просто для этого выманить повариху, если предварительно уничтожить весь мате на кухне... Стоп... А если мате не было, то куда же сыпали яд?»

– А кто-то знал, что вы готовите ужин именно для Тора?

– Не думаю. Разве по чашкам для мате можно было угадать.

– Они специальные?

– Это маленькие тыквы. По-аргентински, «калабас». С трубочкой.

– А еще кому-то в этот день вы носили ужин?

– Нет, только ему, остальные сами себе набрали из холодильника, что хотели.

– То есть, ужин Тора стоял на столе уже готовый, тут вы вспомнили, что нет мате и вышли... еда осталась, так?

– Да, так и было.

– Кто-то относился к покойному плохо? Конфликты были на станции?

– Плохо?.. – лицо Бет неожиданно приняло странное выражение. – Знаете, мистер Потемкин, я вам скажу сейчас одну вещь. На все есть Промысел Божий, понимаете? Мы живем сейчас в мире, где понятие «грех» почти совсем потеряло смысл. Но кроме мудрости и законов человеческих есть Высшая мудрость и законы! И Бог иногда вмешивается в жизнь грешников, чтобы наказать их!.. Так что произошло то, что должно было произойти! Удачных вам поисков, мистер!

И она вышла, гордо подняв голову, оставив Потемкина в состоянии полного изумления. Он посидел немного, пригладил волосы и вышел прогуляться по станции.

* * *

«Ужгород» великолепен! Вот вывод, который сделал граф уже через несколько минут осмотра основных отсеков и коридоров станции.

Этот совершенный инструмент для познания загадок космоса, воплощение гения человеческого разума был еще и невероятно красив. Декоративные панели на стенах воспроизводили атмосферу и архитектуру древнего русского города, с куполами, лабазами и купеческими домами. Уютное кафе было украшено имитацией деревянных бревен и напоминало сруб. (Правда «дерево», на проверку, оказалось мягким и резиновым, видимо от сильных толчков и внезапного ускорения)

Помимо индивидуальных душевых, была даже небольшая банька, в которой Потемкин с превеликим удивлением обнаружил настоящие березовые веники.

Внутренняя красота, эргономичность и комфорт «Ужгорода» дополнялись великолепными внешними видами на Юпитер из больших окон. Окна из очень толстого, но абсолютно прозрачного непробиваемого стекла давали странное и жутковатое ощущение присутствия прямо в космосе. Никогда таких доселе граф не видывал. Красиво и волнующе.

Погуляв по основным палубам, он спустился по удобной, как в коттедже, лестнице вниз, к техническим и служебным отсекам. Здесь уже все было более утилитарно – белые металлические стены и надписи на дверях.

Здесь была кухня и инженерный блок. На двери последнего надпись была категорична: «Только для персонала». Видимо, и электронные ключи к этому отсеку были лишь у инженера. Еще чуть дальше начинались двери лифтов, ведущих к шлюзам. Туда прибывали корабли, оттуда покидали станцию ее жители. Там же был выход к пристыкованной яхте Потемкина. Все эти двери были наглухо заблокированы.

А вот дверь на кухню была приветливо открыта. Там было достаточно просторно и пусто. Несколько электрических плит, духовые и варочные панели, мойки, большой разделочный стол в середине и большие холодильники вдоль стен. Граф не удержался и заглянул в один. Там лежали контейнеры с тертыми и резанными овощами в пакетах. Следующий холодильник был посвящен сырам, причем тонко знавший предмет Потемкин с интересом обнаружил также и элитные сорта – Блэ-де-Косс и Грюйер. Аристократы на «Ужгороде» точно водились!

Вот тут, на разделочном столе стоял ужин Тора Ларсена и его чашка для мате из тыквы. Потемкин осмотрел стол, потом вышел из кухни и взглянул на лестницу. Быстро поднялся по ней и еще раз осмотрелся.

Он нашел, что искал. Если подняться по лестнице и пойти направо – попадаешь в общий коридор основного блока станции. А вот налево был узкий проход в маленькую комнату с какими-то экранами и щитами. Там же были пульта со множеством кнопок и клавиш.

Дверь открывалась совершенно свободно. Экраны не светились. С большой долей вероятности это была рубка управления системами видеонаблюдения и безопасности станции. Странно, но доступ к ним совершенно открыт. И правда – что может случиться там, где все друг друга знают?.. Как им кажется, знают... А еще...

Потемкин высунул голову из комнатки. Лестница и коридор, как на ладони. Человек, идущий в основной блок, сюда не смотрит. Незачем. А еще это идеальное место для того, чтобы выждать нужный момент, убедиться, что все ушли и спуститься на кухню. Тут и стоял убийца Тора Ларсена, глядя на то, как неуклюжая Бетти, сопя и кряхтя, поднимается по лестнице за мате нелюбимому ею пилоту. Вот еще загадка. Чего ради напрягаться, если человек несимпатичен? Нет мате, и все! Ан, нет – пошла на склад или еще там куда... Об этом стоит поразмыслить...

Потемкин опять спустился в кухню, заглянул в третий холодильник, обнаружил там холодную говядину с хреном, уже порезанную, видимо, для скорого обеда, без зазрения совести стащил кусочек и, жуя, стал подниматься по лестнице. Однако притормозил. Навстречу ему опять спускались ножки в красных туфельках.

Граф был сильно равнодушен к женским ножкам. Поэтому залюбовался, имея кусок говядины торчащим изо рта. Что было сомнительно с точки зрения этикета. Но покуда обладательница ног его не заметила, а лестница была достаточно длинная, чтобы вспомнить Пушкина:

«Мне памятно другое время!

В заветных иногда мечтах

Держу я счастливое стремя... .

И ножку чувствую в руках;

Опять кипит воображенье,

Опять ее прикосновенье

Зажгло в увядшем сердце кровь,

Опять тоска, опять любовь!.. .

Но полно прославлять надменных

Болтливой лирою своей;

Они не стоят ни страстей,

Ни песен, ими вдохновенных:

Слова и взор волшебниц сих

Обманчивы... как ножки их...»

– О, Боже! – Блондинка-микробиолог схватилась за сердце. Ну, или за что-то, закрывающее сердце. Графу стало мучительно стыдно. Потемкин настолько погрузился в поэзию, что не рассчитал время контакта. И сейчас предстал перед баронессой Шербан с куском непрожеванной говядины и растерянными глазами испуганного кенгуру.

Ни вынуть мясо изо рта, ни заговорить он не мог. Поэтому ошеломленно дожевал и только потом решил улыбнуться:

– Я украл мясо из холодильника, баронесса!

Она понимающе кивнула.

– Значит, вы приехали расследовать преступление, при этом совершая другие?

– Вы правы. И я готов понести наказание. Но только, если судить меня будете вы!

– А если наказание будет слишком суровым? – вкрадчиво поинтересовалась блондинка. – И вообще! Может быть, вы пропустите меня к моему сыру?

Потемкин опять рассыпался в извинениях, предложил даме руку и они стали вместе спускаться к сыру, как брачующаяся пара под марш Мендельсона.

– Вам к холодильнику нельзя! – приказала баронесса. – Вы несдержанны! К тому же, через час мы обедаем!

– А вам?

– Мне можно! Я сегодня заменяю обед кусочком Грюйера!

– А ужин?

– Иногда и ужин.

– В день смерти Ларсена вы тоже заходили за сыром, Лоана?

Баронесса застыла у открытого холодильника. Потом повернулась и приняла оборонительную позу, в которой была диво, как хороша.

– Нет, в этот день я вообще отказалась от ужина.

– Странно. Бетти Дэвис говорит, что видела вас.

– Я не сказала, что не была на кухне. Я заходила за соком.

– Вы хорошо знали Тора?

– Мне казалось, что да. Но, как выяснилось, я его совсем не знала.

– У вас был с ним роман?

Потемкин любил порой поиграть с огнем. Но тут была простая логика. Самый красивый парень и самая красивая девушка на станции не могли пройти мимо друг друга. Несколько месяцев одинокого заточения молодая кровь вряд ли выдержит. Кстати, есть еще Миа. Еще более очаровательная, возможно. Но здесь уже непонятно – с кем у нее мог быть роман. Вероятно, как она сама признала – и с тем, и с другим...

Баронесса неожиданно улыбнулась.

– Он очень этого хотел!

– А вы?

– А я не стала возражать...

Потемкин сглотнул и подумал о том, что нравы у представительниц «высшего общества» всегда были более чем свободными. Как и у представителей. Один его знаменитый предок чего стоит!

– В момент его смерти вы еще встречались?

– Уже нет.

– Причина?

– Это не относится к следствию, граф!

– Простите, баронесса, но относится, да еще как!

– Хорошо! – Она положила пару аккуратных кусочков сыра на блюдо и присела на легкий стул у разделочного стола. Потом взяла острый нож со стола и стала задумчиво им любоваться. Отложила нож, закинула одну очаровательную ножку на другую и ответила:

– Хорошо, я расскажу вам!

Потемкин кивнул, стараясь не смотреть вниз.

– Тор был типичным самовлюбленным самцом. Бывший военный, не очень умный, но очень эгоистичный. Еще и одержимый манией разбогатеть.

– Почему же вы его выбрали?

– Выбирают из кого-то. Здесь больше никого не было... До вас!

– Но что-то же вас в нем привлекло?

Она пожала плечами.

– Тело, что еще?

Граф тоже пододвинул к себе стул и присел чуть ближе, чем было положено по этикету, также закинув ногу на ногу. Она скользнула взглядом по его ботинкам и, видимо, оценила их.

– Как ваше имение, граф?

– Благодарю. Урожай неплохи. Хотя, знающие люди говорят, что для роста кристаллов Венера подходит больше.

– Люди завистливы.

– Кому завидовал Тор?

– Миллионерам, конечно. Даже мне завидовал. Я-то здесь, потому что мне интересно, а не потому, что нужно побольше заработать...

– Долго вы встречались?

– Около трех месяцев.

– Кого-то это раздражало?

– Разумеется.

– Почему?

– В меня многие влюблены.

– Например?

– Например, Миа.

– Я так и думал. Вы с ней тоже встречались?

– Разумеется. Встречались и продолжаем встречаться.

– Она знала про вас с Тором?

– Разумеется.

Потемкин, все же, съехал взглядом вниз и она это отметила.

– Я не съела свой сыр, граф!

– Прошу прощения, баронесса, еще пара секунд! Так что послужило причиной разрыва между вами?

– Я же сказала, что он глуповат. Да и в сексе не интересен. Думает только о себе. Это очень частое явление среди красавчиков. Женщинам стоило бы об этом задуматься.

– Когда вы расстались, это стало общей информацией?

– Общей информацией не стало даже то, что мы встречались. Чтобы вам было понятно, люди на «Ужгороде» очень мало общаются на личные темы. Только на рабочие. Тут не принято изливать душу. Как говорят у нас в Румынии: «Дружба дружбой, а мамалыгу каждый должен есть свою»! А по ночам очень сложно понять – кто к кому ходит в гости... Две секунды прошли, граф! Если вы захотите меня еще о чем-то спросить, заходите после ужина. Номер моей каюты тридцать четвертый...

Она кивнула ему в знак прощания, грациозно поднялась, взяла свое блюдо и стала подниматься по лестнице. Когда звук ее каблучков затих на этаже выше, граф очнулся от оцепенения.

– Однако...

Он взял нож со стола, подошел к холодильнику с сырами, бесстыдно ткнул ножом в кусочек Грюйера и засунул его в рот. Пожевал несколько секунд, наслаждаясь вкусом, и снова повторил:

– Однако!..

Глава 4

За несколько месяцев до прибытия на «Ужгород» Потемкин навестил свою бабушку, безвыездно проживающую также на Плутоне. Но с другой стороны планеты.

Что удерживало старушку на этом богом забытом карлике, затерянном на краю Солнечной системы, граф не понимал никогда. Но не последнюю роль сыграло то, что бабушка полжизни проработала на Плутоне стоматологом. А большой зуб на расстоянии шести миллиардов километров от ближайшей поликлиники – это, знаете ли, вовсе не маленькая проблема!

Именно поэтому Евдокию Андреевну обожали всем «коттеджным поселком», уютно расположившимся под десятикилометровым прозрачным куполом около горной гряды на юго-западе Области Томбо. Дети, внуки и правнуки ее разлетелись по другим планетам, а сама она так и осталась в маленьком доме под большим куполом, уверяя всех, что с местной гравитацией она весит не пятьдесят, а всего пять килограммов. А летать по комнатам пожилому человеку гораздо сподручнее, чем шаркать по полу!

Бабушка, понятное дело, лукавила. В поселке, разумеется, была и нормальная гравитация, но, скорее всего, от переезда Евдокию Андреевну удерживали кумушки-подружки, ежедневно забегавшие посплетничать и выпить чаю с мелиссой, которую она выращивала под окнами.

Однако полетать по дому бабушка и впрямь любила. Вот и в этот раз Потемкин (он же «любимый внучок Ванечка») понял, что с уровнем гравитации в доме у бабушки опять что-то не так.

Понял он это, больно ударившись головой о бревенчатый потолок, когда пружинисто ступил на порог прихожей и немедленно взлетел на три метра вверх. Держась за голову и морщась, лучший сыщик Солнечной системы медленно опустился на пол и далее передвигался, придерживаясь за специальные ручки, предусмотрительно размещенные на разной высоте вдоль стен.

– Бес какой-то, а не старушка! – раздраженно бормотал Потемкин, углубляясь в темноту дома. – У всех нормальная гравитация – у нее сплошное хулиганство! А света почему нет? Специально для встречи с любимым внучком?

Наконец, длинный темный коридор кончился и за полуоткрытой дверью зала забрезжил свет. Какой это был зал! Удивительный! Высотой в три этажа он, при этом, не имел перекрытий и полов между этими этажами. Скорее, этот зал был похож на маленькую часовенку с прозрачным светлым куполом. По стенам размещались бесчисленные ступеньки, полочки и горшки с цветами, а под куполом, там, где и положено, летал маленький толстенький ангел в спортивном костюме – сама Евдокия Андреевна.

Не летала она, конечно. А висела с лейкой. И перепрыгивала со ступеньки на ступеньку, пользуясь временно установленной ей ослабленной гравитацией, напевая арию из «Сильвы».

Картина была настолько умильной, что гнев Потемкина мгновенно рассеялся. Он присел за большой старый обеденный стол, знакомый ему с детства и стал наблюдать за порхающей бабушкой. Та настолько увлеклась уходом за цветами, что еще минут десять не замечала ничего, периодически поливая графа теплым дождиком из лейки.

Наконец, Евдокия Андреевна вернулась на грешный Плутон, прыгая, как белка по нисходящим веткам.

– А, батюшки! Ванечка!

– Бабушка!

Они обнялись, что было весьма непросто для рослого графа – пришлось согнуться вполтину. Ему ужасно хотелось взять невесомую бабушку на ручки, но он был слишком хорошо воспитан для этого и постеснялся.

– Ты по делам каким?

– Нету у меня дел. Я к тебе приехал. Не поздравил тебя, мерзавец с Днем Рождения в прошлом месяце...

– Да, да, именно мерзавец! Ну, дата проходная, восемьдесят семь, что тут праздновать? Вот на юбилейчик вас всех соберу! А то разбежались, как тараканы по Марсам всяким... Ой, Ванюша, я же пирожка испекла! Хочешь пирожка? Твой любимый, с вишней и лимонными корочками!

– Хочу пирожка! – искренним басом ответил граф. – Обожаю с вишней!

Как нам всем приятно вернуться в детство и хоть на время стряхнуть с себя все заботы и жестокий цинизм этого мира! Как бесценны эти простые и милые сердцу разговоры! Какой волшебный вкус домашнего теста с кисло-сладкими прожилками источающей сок вишни дарят нам бабушкины духовки! А потом ты находишь свои старые книжки на той самой полочке, где ничего не поменялось за тридцать лет и никогда не поменяется. И даже кровать та же самая, пахнущая чем-то неуловимо древним, но безумно уютным... А над кроватью – твой веснушчатый портрет на игрушечном автомобиле. И что-то происходит с глазами, если долго смотреть на него. И с сердцем тоже. Хорошо и бесконечно печально одновременно. Потому что здесь, в этих стенах и живет то самое Время. Его можно потрогать и погладить вместе с бабушкиным котом, найти под кроватью в виде оставленного «на всякий случай» старого коврика, увидеть в зеркале, которое видело и саму бабушку молодой...

И как, боже, это все быстро заканчивается! Эти несколько дней, а то и часов, в разноцветном беззаботном раю детства, как их не хватает...

– Хочу пирожка! – с удовольствием капризничал Потемкин. – С лимонными корочками!

Еще немного и граф начал бы помахивать ножками под стулом, но бабушка погрозила ему пальцем.

– Уймись, ребенок! Кстати, ты межпланетные новости смотришь? Меня уже несколько лет мучает одна загадка... Смотришь новости?

– Нет. Врут там все. Раздувают из мухи слонов всегда, сенсации им подавай!

– Не знаю, врут или нет... – Евдокия Андреевна углубилась в духовой шкаф, вынимая оттуда немислимо ароматные пирожки. – Но один из фото-зондов, года четыре назад, пролетая у Юпитера, сделал снимок какой-то удивительной штуки. Он летел высоко, в нескольких тысячах километров над Ганимедом, поэтому снимок не очень...

– И что там? – без энтузиазма поинтересовался внук, пожирая взглядом пирожки на огромной тарелке.

– Там что-то рукотворное. Какой-то невероятной красоты и форм драгоценный камень. И размеров невероятных для камня, как ты понимаешь, если спутник его поймал...

– На Ганимеди? – почти натурально удивился граф, протягивая руку к блюду. (За что немедленно по этим рукам получил).

– Вот как ты был невоспитанный, Иван, так и остался! Потерпи хоть немного! Ни в чем себе отказать не можешь!

– Ах, бабушка! Жизнь так коротка, чтобы себе отказывать! – промямлил Потемкин, впиваясь в горячее тесто.

– Вот, вот! Вот так вы все и рассуждаете! Оттого и весь разврат по Солнечной системе!

– Ну, какой разврат, милая моя, дорогая! Ну, о чем ты?

– Скажи, что нет! Никогда не было такого падения нравов, как в двадцать восьмом веке! То ли дело спокойный и воспитанный двадцать седьмой! В наше время девушки по станциям на каблуках в чулках не шлондрали!

– Бабушка! Успокойся! Какие девушки?

– Ой, не прикидывайся овечкой! Вокруг тебя все время какие-то девки! Сорок пять лет, а не женишься никак!

– Я пробовал – мне не понравилось, ты же знаешь!

– Правильно! Нашел фифу на Венере! Это представить только! На Венере, где болтается вся земная шушера – жену искать! Она, небось, и кашу сварить не умеет!

Слушая бабушкино ворчание, граф, как тот кот из басни, уплетал уже восьмой пирожок. Его забавлял этот привычный разговор, и вообще ему было невероятно хорошо.

Бабушка присела рядом, с удовольствием наблюдая, как он жует. Они были довольны друг другом.

– Вкусно ли?

– Нет слов!

– Ешь, ешь... А то мотаешься с планеты на планету... Много преступников поймал?

– Ну, с десятков за пару лет поймал.

– Ох... Да разве их всех переловишь! – Евдокия Андреевна вздохнула и покачала головой. – А тут еще сепаратисты эти на Венере этой проклятой. Война опять будет, не иначе!

– Может и будет... – граф довольно и сыто откинулся на спинку кресла. – Я на Венеру сейчас не летаю. Мне там делать нечего. Так что там камень-то юпитерский?

– Ах, да! Так вот лежит он прямо среди кратера на Ганимеди. Делать ему там нечего и не мог он сам там появиться! А он лежит! Похож на трезубец, только в обе стороны, шестигранный такой. Красный! Рубин или сапфир!

– Сапфиры синие, бабушка.

– Ну, рубин, значит! А коли его сумели сфотографировать – он огромный, миллиарды стоит. Да и непонятно откуда – а вдруг инопланетяне?

– Ох, не начинай! – граф зевнул и потянулся. – Нет никаких инопланетян. Одни мы, дураки такие, под солнцем крутимся!

– Ты вот зеваешь, а попробуй, объясни – откуда на куске льда в космосе вдруг драгоценный камень взялся? Что плечами пожимаешь? Вот именно! Его кто-то туда притащил! И явно – не люди это!

– Что, в новостях показали?

– Да. Теперь думают – собирать экспедицию или нет.

– Да там летает наверняка кто-то. Кто-нибудь, да посмотрит. А может и подберет... Ты на Землю не собираешься? Давай слетаем как-нибудь! Тетю Клаву проведем! У нее теперь дача в Коста-Рике у океана прямо. Красота! Поплаваешь хоть в живой воде-то!

– А, что, мысль хорошая!

Бабушка задумалась, глядя на купол-потолок, сквозь который проступало близкое звездное небо.

– Надо бы слетать. Кто знает, может, последний разок уже. Всех хоть увижу напоследок.

– Ты эту ерунду брось! – сурово сказал Потемкин и поднялся с кресла. – Вон прыгаешь по полочкам, как молодая! Давай думай, завтра скажешь мне – а я спать что-то хочу, умираю... Пирожки твои сонные.

Он обнял бабушку и отправился на свою старую кровать в спальню, где в углу на потолке до сих пор сохранился лично нарисованный им пиратский знак в виде черепа с костями, настолько маленький и выцветший, что робот-уборщик его не заметил и не стер. Граф с наслаждением скинул одежду и совсем голый залез под настоящее потертое верблюжье одеяло.

– Фантазеры! – пробормотал он, вспомнив про новостийщиков с их рубином, и через минуту уже храпел – сладко и раскатисто.

Глава 5

– А вы знаете, что связи нет вторые сутки?

Миа изящно присела напротив. Маленькая, спортивная в обтягивающем трико и футболке с каким-то индийским божком. Боже, как хороша! И знает об этом! Губки облизнула специально. Аккуратная, как по лекалу, грудь. Остальные признаки пола непонятны. Или есть? Гм...

Потемкин мысленно встряхнулся и переспросил:

– Неужели? Я слышал только о поломке систем видеонаблюдения.

– И это тоже. Нас изолируют, граф. Кто-то отрезает нас от мира. И это уже совсем не смешно.

Он вдруг вспомнил забавную повесть одного из полузабытых авторов, живших в двадцатом веке. Там у одного из героев была отличительная особенность – он был одновременно с усами и без усов... Вот она такая же. Одновременно мальчик-девочка. Но с ума от нее-него можно сойти!..

Смысл сказанного доходил до графа с трудом. Потом он нахмурился.

– Вы хотите сказать, что станция теперь отрезана от всех диспетчерских служб?

– Именно! Дракоша говорит, что и данные об отправленных и полученных сообщениях все стерты.

– Кто говорит?

– Драгош, компьютерщик наш.

– Пригласите его ко мне, как будет возможность.

– Да, мой господин!

Она улыбнулась, обнажив жемчужные зубки.

– Скорее, я в вашей власти. С первых тактов, что называется! – не сдержался Потемкин. –

И вы это, похоже, знаете!

– Что же в этом плохого? – Миа наклонила прелестную головку. – У нас тут дефицит красивых людей!

– Комплимент?

– Да!

– А как же Лоана?

– А что Лоана?

– Она красива!

– Безусловно! И я это ценю!

– А Тор вам нравился?

Миа улыбнулась. Но в глазах что-то мелькнуло. Недоброе что-то. Впрочем, могло показаться.

– Тор Ларсен был хорош собой. Но слишком хорошо это знал. Мужчина не должен упиваться собственной красотой. Это удел недалеких. Природа редко наделяет всеми достоинствами сразу.

– Что вы знали о нем?

Миа пожала плечами.

– Бывший военный, учился в академии Космических Войск, но закончить ума не хватило... однако дослужился до капитана.

– Каким образом?

– Пошел вольнонаемным в Шестой Легион. Вы же знаете это сборище мерзавцев со всех планет? Обычно их посылают куда подальше усмирять всякие бунты на рудниках или что-то такое... Он пробыл там четыре года.

– Откуда вам это известно?

– Хвалился.

– Что было потом?

– Потом он прилетел сюда. Но работа пилота планетолета его тоже не сильно устраивала.

Он хотел все и сразу.

– Вы появились на станции до него или после?

– После. Я устроилась сюда через несколько месяцев. Он уже был здесь и всю крутил с баронессой.

– И вы решили ее отбить?

– Да. Вас это смущает?

– Ничуть. И как – успешно?

– Лоана не принадлежит никому. Только себе. И приказывать ей с кем встречаться глупо.

Она встречалась с нами одновременно.

– Вас это устраивало?

– Нет. Но меня она ценила больше.

– Почему?

– Я не думаю только о себе в сексе.

– Кто мог убить его?

Миа опять улыбнулась.

– Здесь его многие недолюбливали. Женщины – за то, что любил себя, а не их, мужчины – за то, что любил женщины...

– Погодите... – Потемкин невольно поморщился. – У вас тут женщин раз-два и обчелся!

Кто его любил? И почему «любил»? Не слишком громкое слово?

– Не забывайте, что нас было гораздо больше, если иметь ввиду жителей станции.

Несколько месяцев назад многие улетели, а так тут кипела бурная жизнь...

«Не сомневаюсь, что бурная! – подумал граф. – Даже слишком, судя по всему!»

– Из тех, кто остался – вы кого-нибудь подозреваете?

– Нет.

– Почему?

– Если подозревать, то всех. А у меня нет желания с этим разбираться!

– Странно... – граф постучал пальцами, – странно! Молодой парень погиб, а никого особо это не расстраивает... Вас, судя по всему, тоже. Неужели Тор Ларсен был таким негодяем? Вы видели его в день убийства?

– Да.

– Вы заходили на кухню вечером в этот день?

– Несколько раз.

– Это вы подсыпали яд ему в матэ?

Миа засмеялась.

– Думаете, признаюсь, и сможете улететь отсюда? Нет, так быстро не получится!

– Отчего же? – осторожно спросил Потемкин, чувствуя, что опять «поплыл» по мощной эротической волне, излучаемой прекрасной собеседницей.

– Это очень запутанное дело, граф! – вдруг совершенно серьезно сказала девушка. – Иначе бы вас вряд ли сюда пригласили. Возможно, вы единственный человек, кто действительно сможет в нем разобраться. Тор Ларсен был скверным человеком. Пожалуй, худшим из нас. Он не упускал возможности сделать другому плохо. Единственное, что он умел делать хорошо – водить планетолет. За это мэр и держал его. И убить Ларсена мог любой, даже сам мэр. Так что вам придется повозиться. Но...

– Но?

– Но я этому рада, граф! Вы не улетите отсюда еще и потому, что я этого не хочу!

Она протянула Потемкину маленькую сильную руку. Он закрыл глаза и поцеловал ей каждый палец.

– Да. Я постараюсь провести расследование максимально тщательно.

Миа опять улыбнулась своей сверхъестественной улыбкой.

– Мне пора. Вас ждет много сюрпризов, граф Потемкин! И со мной, в том числе!

И она бесшумно выскользнула из его каюты.

Граф выдохнул – долго и бесшумно. Что может поделать с собой нормальный мужчина в присутствии красивой женщины? Это легко говорить – «возьми себя в руки!» Легко ли лежать у ручья в жаркий день, будучи скованным по рукам и ногам, не имея возможности сделать спасительный глоток? Природа в каждого из нас вложила столь мощный заряд сексуальной энергии, что потратить его целиком просто невыносимо. И эта адская сила пробивает себе дорогу сквозь все приличия и запреты.

А игра? Эта божественная игра, самая увлекательная игра в этом мире, когда два существа готовы подарить друг другу блаженство, но не спешат это сделать, чтобы увеличить степень этого блаженства в разы!словно два магнита, которые поворачиваются друг к другу отталкивающей стороной, чтобы потом, в одно волшебное мгновение перевернуться и притянуться к другу другу со страшной силой! Впечататься друг в друга, слиться, склеиться, стать единым целым для безумного наслаждения! Вот, что делает эту жизнь захватывающей и подогревает ее вялое, однообразное течение, состоящее из тупого поддержания этой самой жизни...

Граф вспомнил вдруг одно из наказаний, которое ожидает грешников в мусульманском аду. Их приковывают цепями к дереву, а вокруг танцуют нагие гурии. Да, действительно, изощренная пытка!

Потемкин любил пофилософствовать. Но сейчас было не до этого.

Он вдруг до конца осознал то, что сказала Миа: «Кто-то отрезает нас от мира!» Дело принимало неожиданный и опасный оборот. А уж опасность граф чувствовал на уровне подшерстка, как леопард.

Потемкин проверил заряд у пистолета и вышел в коридор, направляясь в каюту Су. По пути он встретил печальных Генриха Марковича и юношу, которого Миа назвала Дракошей. Они стояли у окна, мрачно переговариваясь.

Увидев графа, мэр поднял свои тяжелые, как у бассета, веки:

– Иван Феофистович, батюшка, вы слышали уже?

– Про связь?

– Да, про связь, про связь... Что происходит? Что творится с нашим тихим «Ужгородом»? Это было самое уютное место во вселенной, поверьте мне! Пока...

– Пока не появился Тор? – Потемкин пожал руки обоим.

– Тор, Тор... будь он не ладен, этот Тор! – Огромная фигура мэра была поникшей и похожей на подтухший кабачок. – Теперь нас точно закроют! И так сократили три четверти сотрудников! А теперь и вовсе, вовсе закроют! Ох, батюшка, беда просто, беда у нас просто!..

– Что со связью? – спросил Потемкин Драгоша.

– Система цела. Железо тоже цело. Но кто-то стер все настройки радаров и передатчиков. А восстанавливать их – это месяцы работы! Можете себе представить – как рассчитать заново все координаты Земли, чтобы послать сигнал именно на тот спутник, который нас ловит? А он тоже не месте на стоит – вокруг Земли крутится! И Земля вокруг Солнца тоже... Этим занималась специальная программа, в которую были вбиты данные. Теперь она пуста...

– А нельзя принять сигнал с Земли и просто ответить?

– Можно. Но они пишут нам крайне редко. Мы их не интересуем, к тому же, в космосе и на других планетах тысячи станций! И десятки тысяч частных кораблей! Им там не до нас! Когда еще проклюнутся?

– А полиция? Вы точно послали сообщение в полицию?

– Это я посылал! – сказал мэр. – Буквально через час после того, как нашли тело Ларсена. Они сказали, что ближайший катер будет недели через три и посоветовали сохранять спокойствие... Хотя какое тут, к черту, спокойствие...

В конце коридора показалось несколько человек.

– О! – Генрих Маркович опять поднял тяжелые веки. – Вот идет Петр Семенович! Наверняка, он что-нибудь придумал.

– Здравствуйте! – спокойно сказал подошедший пожилой инженер. – Обсуждаете связь? Да, загадочные вещи у нас происходят. У меня пока идей нет. Тем более что мы скоро зайдем за Юпитер. Оттуда уже не пробиться никому и никак.

– Кстати, у нас кое-какие запасы на исходе! – заметила и Бет, подошедшая вместе с инженером. – Мы скоро останемся без хлеба, например. Загрузили меньше муки, чем надо и она кончилась. Нужно сообщить, чтобы грузовик мимо нас пролетел.

– Есть несколько мыслей, как наладить связь! – задумчиво заговорил Драгош. – Есть вариант такой...

– Погоди, погоди! – Петр Семенович поморщился. – Ну, разве можно такие сложные технические вещи обсуждать в коридоре? Наверняка речь о хитрой схеме, так? Подходи ко мне через часик, все нарисуем и покумекаем, как чего! Эх, молодежь!

В другом конце коридора показалась Миа и старый астроном Вебер, которого Потемкин не успел толком рассмотреть в кают-компании.

– Вот, целый консилиум собирается! – произнес Генрих Маркович, когда они присоединились к остальным. – Друзья, у кого есть какие идеи – как нам выбираться из, простите, этой задницы?

– Дайте же, я скажу!.. – опять горячо начал Драгош.

– Дракоша, ты фантазер, это всем известно! – ласково, но непреклонно перебила его Миа. – Я тебе как штурман говорю – не имея координат Земли, да и любой другой планеты или спутников около нее, ты будешь тыкаться пальцем в небо!

– А что скажет астроном? – спросил мэр.

– Координаты Земли, точек связи на ней и около нее вычислить можно, – скрипуче, с сильным немецким акцентом проговорил тот. – Но это долго. Тем более мы скоро закроемся Юпитером.

– Да нет же, план реален, послушайте! – горячился молодой человек.

– Не спорь со мной! – капризно и повелительно сказала Миа.

– Я тоже поддерживаю штурмана! – строго произнес мэр. – Дело слишком серьезное, чтобы здесь, в коридоре выслушивать сомнительные версии. Давайте соберемся вечером и обсудим. Если есть, что обсуждать!

– Зайди ко мне через часик, – примирительно произнес Петр Семенович расстроенному компьютерщику. – Все нарисуешь, хорошо? В нашем положении нельзя ничем пренебрегать, коллеги! А Милович единственный, у кого есть хоть какой-то план...

– Я попробую связаться с Землей со своей яхты! – вдруг сообразил Потемкин. – Откройте шлюз, мне нужно на нее попасть!

– Да, да, у вас же яхта, граф! Как же я забыл! Пожалуйста, попытайтесь сообщить – в каком мы положении! Батюшка, торопитесь, только бы вам до Юпитера успеть! – всплеснув руками, оживился мэр.

– Я готов прямо сейчас! И, все-таки, попытайтесь сохранять спокойствие, друзья! Это очень важно!

– Открой шлюз прямо сейчас! – приказала Миа Драгашу. – Спускайтесь к лифту возле кухни, граф, и ждите зеленого сигнала над дверью. Потом можно будет безопасно спуститься к вашей яхте. Хотите, я буду сопровождать вас до шлюза?

– Благодарю, в этом нет необходимости!

Потемкин поклонился всем и быстро направился к знакомой уже лестнице, ведущей к кухне. По лестнице вверх поднималась Лоана Шербан, держа в руках блюдец со своим неизменным сыром. На сей раз каким-то экзотическим, с корочкой оранжевого цвета.

– Доброго дня, баронесса!

– Вы игнорируете меня, граф Потемкин? Я ждала вас вчера вечером!

Она поднялась на ступеньку выше его и остановилась, а он был вынужден повернуться на ступеньке ниже и продолжить беседу прямо напротив очаровательных ног. Сегодня она была в сиреневых туфлях и коротком сиреновом платье со стразами.

– Помилуй бог, баронесса, просто ситуация требует решительных действий!

– А, так вы – решительный мужчина?

– Ну... в определенных ситуациях!

– Тогда я, все же, хотела бы организовать подобную ситуацию нынче вечером. У меня есть бутылочка отличного Кьянти, так что не смейте мне отказывать...

– Баронесса...

– Лоана!

– Да, Лоана, прошу нижайше извинить вашего покорного слугу! Сегодня в девять по местному времени я буду у вас!

– Так лучше! – благосклонно кивнула она. – Удачи в поисках убийцы, граф! Кстати, вы много не знаете... впрочем, пустое!..

И она вновь пошла вверх по лестнице.

Потемкин проводил взглядом ее грациозную спину, вздохнул, и поспешил к лифту, над которым уже горела зеленая лампочка.

Проникнув в свою яхту, он, первым делом, послал запрос на досье всех членов команды «Ужгорода» в Управление Планетарной Полиции. Он не слишком любил эту организацию за напыщенность ее представителей, но именно в отделе, где хранились досье всех астронавтов – а хранить было положено – царил очень правильный порядок и система. Найти человека в базе, и получить на него любую информацию было делом пары часов, даже с учетом пересылки файлов на гигантские расстояния.

Потемкин слыл, по роду деятельности, человеком в полиции известным, и имел код «ОА», позволяющий запрашивать подобные данные в архивах. Он сделал запрос на всех членов экипажа, включая Чжан Су Гуожи и Генриха Тусса, и пошел в душ, чтобы не терять времени даром.

Через три часа все файлы пришли на бортовой компьютер яхты. Граф переписал их на сменный носитель, чтобы потом, у себя в каюте внимательно с ними разобраться.

Нужно было еще послать сообщение о том, что станция потеряла координаты связи, но тут возникла проблема. Как все и предупреждали, «Ужгород» не стоял на месте, он двигался вокруг Ганимеда, а соответственно и Юпитера, с достаточно большой скоростью. И, пока граф возился с получением досье, грязно-розовая масса огромной планеты заслонила направление на Землю. Удивительно, как он успел принять файлы – это была большая удача. Следующий контакт с Землей был возможен только после полного облета Юпитера. По предварительным расчетам компьютера яхты Потемкина – не раньше двух-трех суток.

Это было неприятно. Без связи «Ужгород» оставался в космосе «летучим голландцем», на котором безнаказанно могло произойти все, что угодно. И сосущее чувство тревоги где-то внутри у Ивана Феоктистовича все усиливалось.

Кто-то контролировал ситуацию и управлял ей. Этот человек действовал продуманно и поэтапно – отключил системы видеонаблюдения, убил Тора Ларсена, а потом отрезал станцию от внешнего мира.

Последний пункт был самым скверным. Он мог означать только одно – что-то готовилось. И, наверняка, что-то злое. Теперь весь «Ужгород» был в полной власти загадочного злоумышленника.

«Или злоумышленницы!» – вдруг подумал Потемкин, вспомнив ослепительную улыбку Миа.

Он положил диск с файлами в нагрудный карман пиджака и покинул яхту, прихватив с собой баночку с консервированными устрицами для вечернего ужина с баронессой.

Кроме перспективных наметок на романтическом фронте графу пока похвалиться было нечем. Совсем нечем. Такое с ним случалось редко, обычно он сразу хватал невидимую нить, за которую потом вытягивал весь клубок преступления. А нить эта была – человек. Его глаза, поведение при общении, слова и ритм этих слов. Потемкин чувствовал человека и если тот что-то пытался скрыть – это и был кончик нити, за которую тянул потом талантливый космический сыщик.

Но сейчас – то ли времени прошло мало, то ли дело, действительно, было непростым – он не сдвинулся ни на йоту. Все, с кем он успел побеседовать, были одинаково негативны в своем отношении к убитому, исключая мужчин, которых Потемкин не успел опросить. Драгош Милович – компьютерщик, связист станции, Петр Рыбин – инженер-техник, завхоз, Феликс Вебер – планетолог и астроном «Ужгорода». Кстати, были еще мэр Тусс и его друг Су.

Су единственный, кто проявил тревогу по поводу убийства и вызвал его. Надо с ним поговорить сегодня. Нет, завтра. Сегодня – Лоана. А вот с мальчишкой можно и сегодня.

Кстати. Почему они так упорно не желали слушать его план по восстановлению связи? Особенно Миа! Можно было бы вполне, хотя бы на словах, без всяких расчетов понять – что Милович имеет в виду. Но ему буквально заткнули рот! Странно. Очень странно.

Как же теперь себя вести? Что сделать, чтобы никто больше не пострадал? Попросить мэра ввести режим чрезвычайной ситуации? Наверняка, есть инструкции на такой случай. По крайней мере, нельзя, чтобы люди находились отдельно друг от друга долгое время. Тогда убийце будет гораздо сложнее что-то предпринять.

А как это сделать? Блокировать работу станции? По какой причине – спросит Генрих. На какой срок? А у него отчетность, наверняка, за результаты работы, планы какие-нибудь, графики. Ну да, связи нет, но это не повод для полного коллапса и сидения кружком в ожидании чего-то непонятного. Да и как ты себе это представляешь?

Нет. Не выйдет ничего. Глупо. По сути, и угроз для жизни экипажа нет никаких, только предчувствия. А этого маловато. В конце концов – мог же Тор покончить жизнь самоубийством? Самолюбивый, тщеславный, а денег больших не заработал, перспектив никаких. Что, до конца жизни таскать планетоле-грузовичок по спутникам?.. Вполне мог и наложить на себя руки. А остальное – только цепь случайностей, сбой в компьютерах, обычное дело. Нужно больше информации, нужны данные на людей и на Ларсена, это бесполезная трата времени все эти рассуждения без данных!

Потемкин нажал кнопку лифта, вошел и через мгновение был на этаже у кухни.

Глава 6

Нужно было действовать быстрее. Но Потемкин неожиданно почувствовал сильную слабость и усталость. И в левом боку стало побаливать. Вероятно, обострение панкреатита, который граф носил с собой не первый год. Природа часто наказывает невожатанных, награждая их болезнью за неумеренность. В данном случае – в еде и алкоголе.

Молодость у графа была, что скрывать, достаточно бурная. Кто из нас думает о последствиях, пускаясь во все тяжкие во времена студенческой жизни? Сотни друзей, красивых девушек, какие-то вечеринки в непонятных местах, песни, танцы, поцелуи на чужих кухнях, разговоры «по душам» до утра – все это потом кристаллизуется на внутренних органах в виде хронических болезней. И никто никогда за всю историю человечества не думал, наслаждаясь молодостью, что потом именно так произойдет. Потому что в юности не думают о старости. Это в старости думают о юности.

Когда начинала капризничать поджелудочная, граф выпадал из ритма. Эта ноющая боль делала его тело ватным, а разум менее эффективным. Нужна была диета и покой на несколько дней. А между тем, именно сейчас все это было более чем некстати.

Во-первых, он был приглашен баронессой, и отказаться от алкоголя в этой ситуации было немислимо.

Во-вторых, нужно было решать, что делать. Как уберечь людей, да и себя, кстати, от будущих действий того, кто все это устроил? А для того, чтобы принять такие решения, нужна была свежая и умная голова.

Голова у Потемкина была. Но из-за чертовой болячки, уже несвежая и неумная. Надо было идти к баронессе. Иногда, как ни странно, бокал хорошего вина возвращал ясность мысли, правда, ненадолго. Но и ненадолго сейчас было хорошо. А мучиться с поджелудочной будем завтра. Сегодня надо вычислить хотя бы трех потенциально опасных персон. И поставить их в условия, в которых невозможно ничего сделать.

Это несложно, на самом деле. Нужно их задействовать в публичных процессах. Сделать так, чтобы подозреваемые были вынуждены постоянно находиться на виду. Привлечь к ним внимание остальных. Злодейства, все-таки, делаются тайно и в тиши. Нельзя допустить никаких тайн. Тогда ничего не произойдет.

Потемкин посмотрел на часы. Было около шести вечера по времени Юпитера. К баронессе он собирался в девять. Общий ужин в семь, но на обеде сегодня было всего три человека. И все молчали. Не та обстановка, чтобы собираться за дружеским столом. Каково это – осознавать, что рядом сидит убийца?

Граф решил, что не пойдет на ужин. Надо поголодать. Это успокаивает капризную железу. А пока можно заняться файлами досье.

Он улегся на обволакивающую кровать и загрузил диск в портативный компьютер. Хорошо. Удобно. А теперь посмотрим – с кем он сегодня беседовал.

Первым на его диске, согласно алфавиту, расположилось досье Бетти Дэвис. Поварихи и «мать-хозяйки», как выразился Тусс, станции «Ужгород».

На фотографии она была с тем же, неулыбчивым и высокомерным лицом. Только гораздо моложе, стройнее и привлекательней.

В биографии ничего особенного. Колледж в Бостоне, курсы специалистов по логистике космических станций, курсы поваров. Работала в кафе и ресторанах на нескольких американских и канадских межпланетных «городах». Была замужем, разведена, детей нет.

О! Крайне религиозна! Мнительна. Высокомерна. Посещала церковь Адвентистов седьмого Дня. Вела миссионерскую работу на Марсе и Венере. Строго соблюдает все каноны своей

церкви. Верит в близкое Второе Пришествие Иисуса. На религиозной почве неоднократно имела конфликты с коллегами и посетителями заведений, в которых работала...

Надо думать! С такой идеологией наблюдать за парочками по ночам – бедная Бетти! Или бедные те, кто попадал ей под действительно «тяжелую» руку!

Как результат – уволена. Устроилась на «Ужгород» заведующей складами и поваром. Все.

«Бог наказывает грешников!» Это ее реакция на смерть Ларсена. Что она имела ввиду? Хоть и говорят, что о покойных хорошо или ничего, но не в нашем случае. Нужно понять, чем же этот красивый и молодой норвежский парень сумел так настроить против себя окружающих.

А с темнокожей поварихой, в целом, прояснилось. Допустить то, что она собственными руками положила яд в мате убитого и отнесла ему этот ужин, было бы нелепо. Одно только не давало покоя графу. Почему, имея явную антипатию к убитому, она вообще понесла ему ужин? Да еще ходила на склад за новой пачкой мате? С ее-то весом – это просто подвиг!

Непонятно.

Почитав еще немного досье Бетти Дэвис, Потемкин закрыл его и нашел файл, посвященный Ларсену. Досье открывалось с фотографии.

С заглавной страницы на него смотрел молодой блондин с выраженными скулами и ямочкой на подбородке. Ямочка сразу графу не понравилась. Бог знает почему. Почему нам нравятся одни лица и не нравятся другие? По сути, так называемая «красота» – это просто максимально пропорциональное размещение органов на черепе. И какая же нелепость и глупость, что из-за смещения одного органа относительно этой схемы, человек становится «некрасивым». Ну, длиннее у тебя нос, чем приписывают стандарты на один сантиметр. Каким образом это влияет на его функции и функции всего организма? Никаким! Но если ты молодая девушка, этот сантиметр может стоить тебе счастливой личной жизни! Вся твоя судьба пойдет насмарку из-за одного лишнего сантиметра! Бред, бред, конечно!

Потемкин покачал головой и снова сосредоточился на досье Ларсена. Граф пристально разглядывал фотографию. Физиономистика или физиогномика всегда была важным звеном в цепи его умозаключений. Хоть психологи признали ее псевдонаукой. Возможно, ей, действительно уделяли больше внимания, чем требовалось. Но граф много раз убеждался, что форма рта, морщины или задранный подбородок – это весьма показательная характеристика. С лица для Потемкина все начиналось, и на ином лице можно было прочесть больше, чем в самом подробном досье.

Уж этот парень точно не страдал от невостробованности в личном плане. Скорее, он был избалован победами над женщинами настолько, что преисполнился самоуверенности сверх всякой меры. Рот красивый, но жесткий. Тонкие поджатые губы. Жадноват? Лоана говорила, что он был помешан на идее личного обогащения? Очень может быть.

В целом, лицо самодовольного смазливового хама. Плечи широкие, военный, понятно. Небольшой шрам под правым ухом... В переделках бывал?

Итак. Место рождения Тромсё. Родители, школа. Учился плохо, многократно наказывался за плохое поведение. Замечен в издевательствах и унижении товарищей. Однако к старшим классам успеваемость наладилась. (Выходит, не такой тупой, как кажется). Поступил в академию Космических Войск, однако вскоре и там начались проблемы. Во всем старался доминировать среди однокурсников, а ребята были крепкие, драки с его участием стали постоянным явлением...

Впрочем, для военного это, возможно, и неплохо?

Но вот еще, что отмечено. Продолжал издеваться над более слабыми физически товарищами. Так, большой резонанс вызвала история с его однокурсником Микаэлем Шенбергом. Ларсен прицепился к низкорослому Шенбергу и оскорблял его каждодневно на протяжении нескольких недель. В конце концов, тот не выдержал и попробовал защитить свою честь, ударив публично Ларсена по лицу. В результате, здоровый норвежец затащил несчастного в

уборную, где вывалил головой в унитазе. После чего не успокоился и протащил Шенберга по нескольким коридорам академии под свист и улюлюканье толпы, пока не был остановлен сотрудниками безопасности. Заключен на гаупвахту на трое суток.

В результате, Микаэль Шенберг подал рапорт об отчислении, не в силах перенести публичное унижение. Тору Ларсену объявили строгий выговор, но дали шанс закончить академию, так как шел последний год обучения. Однако тот не смог сдать промежуточную сессию, и вскоре тоже был отчислен.

Затем, как и говорила Миа, Шестой Контрактный Легион. Действительно, скверная компания. Туда брали весьма сомнительных типов, иногда откровенных головорезов с криминальным прошлым. Но это продуманная политика со стороны Совета по Астронавтике. Если уж терять людей, то не очень ценных. Это что-то вроде «штрафных батальонов», которые существовали в некоторых странах много веков назад. Только за очень приличные деньги. И надо было очень не ценить свое здоровье, чтобы наняться в Шестой Легион. Хотя там был еще один притягательный магнит для персонажей склада Тора Ларсена.

Золото. Легион периодически посылали умирять бунты на рудниках Венеры, где обнаружены были неисчерпаемые запасы драгоценных металлов и камней. Добычей этих сокровищ занимались, в том числе и уголовные элементы, которых уже несколько веков с Земли удаляли сразу после вынесения приговора. Планета Земля, таким образом, была полностью очищена от преступников, а вот Венера, напротив, приобрела дурную славу, подобно Австралии девятнадцатого века, куда свозили каторжников.

Шестой Легион пользовался сомнительной славой специалистов по умирению недовольных каторжников двадцать восьмого века. Время от времени, несмотря на самые современные средства охраны и безопасности рудников, заключенные крали добытые ценности и пытались с ними бежать, нападая на охрану. Во многокилометровых тоннелях обеспечить полноценную защиту персонала и было невозможно. Зэки нападали на конвоиров, забирали оружие и прорывались на поверхность планеты. После чего справиться с ними могли уже только вызванные по тревоге профессиональные подразделения.

Кто больше крал золота – заключенные или солдаты Легиона – это еще большой вопрос. Но администрация рудников сознательно шла на эти потери ради общего спокойствия приисков.

Так что Тор Ларсен логично был там, куда вела его неумная жажда богатства. Насилие стало нормой его жизни, а грязные деньги за это насилие – заслуженной и не менее логичной наградой.

Шестой Легион отличился также в войне против сепаратистов на той же Венере. Надо сказать, что космос во времена бытия в нем графа Потемкина отнюдь не был мирным. Солнечную систему периодически сотрясали междоусобные конфликты разной этимологии.

И вот целая колония в несколько сотен тысяч человек (в основном, выходцы из юго-восточной Азии, китайцы и вьетнамцы) решила стать полностью самостоятельной от всякого управления с Земли, и отказалась выплачивать огромные налоги. Повстанцы перебили немногочисленные правительственные войска, прервали всякую связь с родной планетой и стали жить своей отдельной жизнью, получая сверхприбыли от продажи выращенных кристаллов, добычи драгоценных металлов и прочей космической промышленности.

Земля ответила вторжением армии. Но ее встретила подготовленная линия обороны. Война длилась уже несколько лет, и конца ей было не видно. Сепаратисты хорошо организовали свои войска и удерживали более трети планеты, уничтожая корабли с десантом, прилетающие на помощь правительственной армии, испытывающей острый дефицит с пополнением людьми и боеприпасами. Что неудивительно – в сотне миллионов километрах от Земли вести боевые действия было крайне неудобно.

Но с каждым годом дела у сепаратистов шли все хуже. Совет по Астронавтике блокировал любые сделки с отделившейся частью Венеры, и специальные отряды перехватывали торговые корабли повстанцев, лишая их возможности продавать золото и кристаллы и покупать оружие. Это не замедлило сказаться на военных успехах правительственных войск, которые стали оттеснять сепаратистов с захваченных территорий. Судя по всему, без средств к закупкам невероятно дорогостоящих вооружений, дни независимости китайской колонии были сочтены.

Шестой Легион отметился и в Венерианской кампании. Отметился жестокостью и мародерством. Однако хорошо вооруженные отряды повстанцев успели дать боевикам-усмирителям такой отпор, что те поспешно покинули Венеру, потеряв до двух третей состава. Тор Ларсен был ранен, но уцелел и после госпиталя покинул ряды Легиона...

Чем больше Потемкин вчитывался в досье убитого, тем больше задавался вопросом – как его занесло на «Ужгород»? Что привлекло его сюда, в маленький космический городок за миллионы километров от больших денег и развлечений? Раскаялся? Решил поменять жизнь? Вряд ли. Тут что-то еще. Но о жизни Тора Ларсена на станции «Ужгород-778» в досье ничего не было.

Граф посмотрел на часы и обнаружил, что провел за изучением материалов почти три часа. Было без пятнадцати девять. Баронесса!

Он наскоро поправил шевелюру, освежился дорогими духами и вышел из своей каюты. Боль в левом подреберье немного поутихла, так что был шанс о ней не вспоминать до завтрашнего утра. По пути ему попала Миа, куда-то спешившая, хотя время было уже явно не рабочее. Она подмигнула графу и исчезла за поворотом. Он мгновение постоял у каюты Лоаны, отчего-то не решаясь войти, но потом решительно, но недолго нажал кнопку звонка.

Она мгновенно открыла, как будто стояла у двери с той стороны и ждала. Граф был поражен ее безупречным макияжем и изысканным, по обыкновению, платьем. Этим вечером на ней было еще неброское, но стильное кольцо и сережки с рубинами.

– Хорошо воспитанный мужчина даже в дверь звонит благородно!

– Лоана, вы неотразимы!

– Проходите, граф! Что это у вас в кармане, пистолет?

– Это всего лишь устрицы, баронесса. Простите, что без правильной сервировки, но мы, все-таки, в космосе...

Он выложил баночку устриц на столик, присел и огляделся. Да, этой роскошной женщине надо было родиться в другое время и проводить свои дни и ночи в светских развлечениях, а не заниматься биологическими исследованиями в маленькой лаборатории космической станции.

Стены каюты баронессы Шербан были украшены репродукциями импрессионистов, причем наиболее страстными и «чувственными» из них. Дега, Матисс, Константин Сомов с его Коломбинами... Кстати, на картинах были одни женщины. Совпадение?

– Вот Кьянти, граф, займитесь!

Она выставила на стол дорогую бутылку из серии «Классико ризерва».

– Хороший год! – одобрительно кивнул Потемкин. – Как вам удалось протащить это через таможеню? Алкоголь в космосе запрещен, не так ли?

– Ничто так не притягивает, как запрещенное!

Лоана села напротив и закинула ногу на ногу, слегка покачивая туфелькой.

«Интересно, сколько я продержусь, пока не упаду целовать эти ноги?» – спросил себя граф, а вслух сказал:

– Что вы тут делаете, Лоана, я имею в виду – на станции? Вам место во дворце под Констанцией, а не на спутнике Юпитера.

– Откуда вы знаете – где мое место? Вы же тоже не в Таврическом дворце, граф, проводите дни? Кстати, как вас зовут?

– Иван.

– Ион, по-румынски. Я так и буду вас называть то недолгое время, что мы будем рядом. Вот сырная нарезка. Открывайте уже скорее бутылку! Я хочу вина!

– Сию минуту!

Граф ловко справился со штопором и разлил темное вино по бокалам без ножек. Они чокнулись и пригубили благородный напиток. Причем, баронесса чуть больше и быстрее, чем требовал этикет.

– Ах! Чертовски пикантная штука!... Так приятно на фоне нашей безвкусной диеты! Мне не хватает здесь эмоций, граф! Все остальное меня устраивает. Я не люблю людей и шумные компании.

– Вот устрицы, Лоана!

– Да, да... Устрицы, Констанца, дельта Дуная... Вы не плавали ночью на лодке по дельте Дуная, Иван? Там гнездятся цапли и аисты. И когда ты ночью вспугнешь птицу в камышах, она взлетает и кажется призраком на фоне черного звездного неба...

– Я бы хотел с вами плыть ночью по Дунаю! – честно сказал граф. – Может, так оно и будет?

– Почему вы не женаты?

– Даже самая умная женщина во Вселенной не может удержаться от этого вопроса! – засмеялся Потемкин. – Я был женат. Но семья – это не мое. Точнее, семейные ритуалы. Я люблю детей, но не знаю, что с ними делать уже через полчаса. Я не понимаю, как можно разрушать очарование близости с любимой женщиной ежедневным бытовым общением. Уходит загадка – уходят ощущения. Нельзя обряд превращать в обиход.

Она кивнула.

– Обычная мужская точка зрения. Но я ее разделяю и поддерживаю. Разве можно есть один и тот же торт каждый день? Даже самый невероятный? От него начнет тошнить через месяц, а может и раньше! Иногда хочется селедки с луком!

Они опять чокнулись и выпили. Граф почувствовал, как сила горячего итальянского винограда разливается по телу. Как неожиданно для столь легкого напитка! Или в космосе вино действует по-другому?

Он порозовел, как ребенок, и стал более свободен. Видимо, изысканное Кьянти ударило в голову и Лоане. Она откинулась на свое кресло и стала поглаживать кистью одной руки другу. Красивые руки! Чертовски красивые! С тонкими пальцами, с идеальным маникюром. И перстень, видимо фамильный. Страшно предположить, сколько стоит!

– Вы в коридоре сказали мне, что я многого не знаю. Что вы имели в виду?

– Мм... Вы опять про убийство? Я настроилась на романтический вечер!

– Простите, баронесса, больше ни слова об этом!

– Черт, Ион, прекратите меня называть баронессой! Давайте договоримся так – я сейчас посвящаю пять минут этому делу, после чего мы про него забыли! Если вы собираетесь меня терзать очередными допросами – ступайте к себе немедленно!

– Простите, Лоана, пять минут! Это важно для вашей же безопасности!

– Валяйте!

– Зачем Ларсен прилетел сюда? Что ему было нужно?

– Затем, зачем и все! Прикрываясь научными исследованиями, попытаться найти Жезл!

– Что найти?

– Жезл! Жезл Юпитера! Вы что, не слышали про гигантский драгоценный камень, который обнаружил космический зонд?

Потемкин вспомнил бабушку.

– Так это не утка?

– Вовсе нет! Есть несколько очень хороших фотографий. Это гигантский кристалл красного цвета невозможной для земных условий формы – по три острых грани в противоположные

стороны. Именно так, по легенде, выглядел жезл главного из богов римского пантеона. Зонд выхватил из сумрака и сфотографировал сверкающий камень на Ганимеде совсем случайно.

– И что, есть точные координаты его местонахождения?

– В том то и дело, что нет. Допустимая ошибка в несколько сотен километров, что неудивительно для такого расстояния съемки.

– Так вас сюда отправили за камнем?

– Нет, конечно. Мы ищем на спутниках Юпитера жизнь. Она вполне может на них быть, с учетом того, что под ледяной коркой Ганимеда, Европы и Каллисто находятся гигантские подземные океаны. Это ящик Пандоры. Пока до них сложно добраться – глубина ледяной корки спутников десятки и сотни километров. Но уже разработаны технологии лазерного бурения и вскоре мы откроем эти бутылочки!...

Но многие из приехавших сюда, приехали не за наукой, а в тайной надежде найти Жезл! Тор Ларсен – один из них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.